

Роббинсом. Поставленная на музыку Баха для виолончели «Танцевальная сюита» — тоже сольный номер, представляющий наполненное осенней меланхолией исследование сущности человека и движения.

— Какое-то время я был не в форме, совсем не чувствовал тела, — говорит 75-летний Роббинс, выглядевший на репетиции живо и бодро. — Но Миша хотел попробовать, и мне с моей немощью чертовски захотелось работать. Я начал слушать музыку, и она стала «раскрываться». Она сразу прибавила мне сил. Не могу представить себе, с кем еще мне было бы так хорошо работать. Если мне что-то казалось слишком мрачным, он оживлял — и наоборот. Поистине, Миша — великий художник.

Эта дружба зародилась в 1979 году, когда президент Картер пригласил Барышникова ставить спектакль в Белом доме. Престижное предложение означало работу на крошечной сцене с низкими потолками, что явно не подходило для мощных прыжков Миши. Белый дом был не в состоянии обеспечить обслуживание сцены.

— Мне стало его жалко, он был одинок, и у него совсем не было помощников, — вспоминает Роббинс. — И я стал тогда своего рода режиссером-распорядителем — обеспечил звук, костюмы и все остальное.

Барышников был благодарен мастеру, чья работа везде ценится высоко, будь то на Бродвее или на Пенсильвания-авеню. По поводу «Сюиты» он замечает:

— Думаю, вся она говорит о Джерри. Тут и ирония, и беспокойство, горести и радости жизни. Это умный, принадлежащий миру, думающий человек. — Барышников, улыбаясь, подмигивает. — Иногда мне кажется, что вдохновение Джерри исходит из его бороды.

Первая вылазка «Уайт Оук» в Нью-Йорк была вполне успешной. Несмотря на то, что Барышников может выступать с сольными номерами, он появляется и в малых партиях — в «Знаках», «Лилиях». Зрители уходят с ощущением, что заглянули в тайны современного балета, а не просто посмотрели на танцующих суперзвезд.